

Федор Буслаев

**Трехдневное
празднование
во Флоренции...**

Федор Иванович Буслаев
Трехдневное празднование
во Флоренции шестисотлетнего
юбилея Данта Аллигиери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18957125

Аннотация

«В этой главе предложу свое чтение, сказанное в Обществе Любителей Российской Словесности, в мае 1865 года, о трехдневном праздновании шестисотлетнего юбилея дня рождения Данта Аллигиери. По счастью, я провел во Флоренции целые два месяца в 1864 году и имел случай в самом средоточии юбилея воспользоваться всевозможными документами, журналами, газетами и другими пособиями по этому предмету. Из Флоренции я послал в «Русский Вестник» обстоятельную статью о приготовлениях всей Италии к предстоящему юбилею, и по возвращении в Москву, в следующем 1865 году, в самый день юбилея, рассказал членам Общества Любителей Российской Словесности, что именно происходит во Флоренции в то самое время, когда мы все собрались в московском заседании...»

Федор Буслаев

**Трехдневное празднование
во Флоренции
шестисотлетнего юбилея
Данта Аллигиери**

В этой главе предложу свое чтение, сказанное в Обществе Любителей Российской Словесности, в мае 1865 года, о трехдневном праздновании шестисотлетнего юбилея дня рождения Данта Аллигиери. По счастью, я провел во Флоренции целые два месяца в 1864 году и имел случай в самом средоточии юбилея воспользоваться всевозможными документами, журналами, газетами и другими пособиями по этому предмету. Из Флоренции я послал в «Русский Вестник» обстоятельную статью о приготовлениях всей Италии к предстоящему юбилею, и по возвращении в Москву, в следующем 1865 году, в самый день юбилея, рассказал членам Общества Любителей Российской Словесности, что именно происходит во Флоренции в то самое время, когда мы все собрались в московском заседании.

С нынешнего дня, т. е. со 2 мая, по новому стилю с 14 мая, открывается во Флоренции трехдневное празднование шестисотлетнего юбилея дня рождения Данта Алли-

гиери. В программе этого празднования, составленной учрежденною для этого предмета комиссиею, означены следующие подробности, дающие дантовскому юбилею характер общеитальянского национального дела.

Средоточием празднества назначается площадь св. Креста, находящаяся перед храмом того же имени, который, будучи украшен произведениями искусства с XIV столетия до наших времен и надгробными памятниками Микель-Анджело, Галилея, Альфиери, самого Данта, есть вместе и усыпальница великих людей Италии, и художественный Пантеон итальянских знаменитостей. Обширная площадь св. Креста пользуется популярностью еще с XIII столетия, когда на ней произошло знаменитое революционное движение, давшее флорентийской республике новое устройство согласно с ее демократическим характером, и прославившее громкими подвигами историю своего отечества. На этой-то площади в день дантовского празднества будет открыт национальный памятник Данту: это колоссальная статуя великого поэта, изваянная скульптором Энрико Пацци: в широко драпированной тоге, с своею поэмою в руке, великий поэт медленно ступает, будто в этот день своего шестисотлетнего юбилея входит в родной город, из которого до сих пор находился в изгнании, сохраняя свои кости в далекой Равенне. Вся площадь богато украшена фестонами из лавровых ветвей и цветов и декоративною живописью, сюжеты которой заимствованы из жизни Данте.

Весь город украшен флагами. На домах, где родились, жили и действовали знаменитые граждане всех времен, выставлены их имена, украшенные трофеями, лавровыми венками и цветами.

По всему пути торжественного шествия, а также на некоторых из главных площадей города, размещены колонны, статуи и трофеи в память великих событий итальянской истории и знаменитых людей, прославившихся в литературе, в науках и искусствах, а также на поприще гражданской и воинской деятельности. Особенно украшен портик под зданием присутственных мест (Uffizi), в котором находится флорентийская галерея с знаменитою трибуною, украшенною первейшими произведениями живописи и скульптуры.

Празднество открывается торжественною процессиею от монастыря и площади церкви Св. Духа, находящейся по ту сторону реки Арно (Oltrarno) и с давних времен прославившейся своими церковными процессиями в соединении с представлением священных мистерий, для которых декорации и машины делали знаменитые художники и особенно в XV веке Брунеллески.

Сегодня 2/14 мая, в воскресенье, в 10 ч. утра, на этой площади и в монастыре Св. Духа, собрались в официальном порядке представители всех муниципальных, сословных и вообще национальных учреждений, каждое под своим знаменем и с своими девизами и значками, а именно: представители итальянских академий, итальянских и иностран-

ных лицеев, университетов и других учебных заведений; комиссии адвокатов, ученых, медиков, аптекарей (к цеху которых некогда принадлежал сам Дант), библиотекарей, журналистов и проч.; затем депутаты от художественных братств и от общин рабочих; наконец, депутаты итальянских эмигрантов, и в настоящее время еще разделяющих печальную судьбу великого флорентийского поэта.

По знаку, данному колокольным звоном с так называемого Старого Дворца (Palazzo Vecchio), все эти корпорации, в сопровождении музыкальных хоров и национальной гвардии, двинулись с Троицы на эту сторону Арно, и, обогнувши с южной стороны соборную площадь, приблизились к Старому Дворцу древнефлорентийской общины (palazzo Comunale), известному под именем Bargello, откуда к процессии присоединяются корпорации муниципий Флоренции и Равенны, двух городов, из которых в первом родился Дант, а в последнем – скончался и похоронен. Затем, когда процессия, направившись к храму св. Креста, вступила на площадь перед этим храмом, и когда корпорации представителей и депутатов разместились по своим местам, наступают, при звуке музыки и колокольном звоне, торжественное открытие памятника Данту. Произнесением краткой речи и прочтением официального акта, следуя программе, должно было окончиться утреннее торжество первого дня юбилейных праздников.

Сегодня вечером весь город будет иллюминирован,

и на главных пунктах будет играть музыка, в честь Данта сочиненные симфонии, а на площади св. Креста будут петь хоры певчих.

Завтра утром назначена литературная академия, то есть литературные чтения в память Данта, которым будет предшествовать музыкальная симфония; в заключение будут петь хоры певцов, а вечером, в одном из театров, будет академия музыкальная, то есть исполнение разных музыкальных пьес, сочиненных в честь Данта. Наконец, послезавтра, во вторник, 4/16 мая, утром, имеет быть заседание академии della Crusca, а пополудни соберутся на площади св. Креста ремесленные братства и общества взаимного вспоможения для раздачи пособий. Вечером, в одном из театров, состоится представление живых картин, сопровождаемое произнесением некоторых эпизодов из «Божественной Комедии».

Во всех этих собраниях будут присутствовать, в официальном порядке, сказанные выше корпорации депутатов от разных учреждений и сословий.

В тот же вечер, под портиком присутственных мест (Uffizi), назначено народное гулянье.

Кроме того, в течение всех трех дней будут устроены для жителей города и для простого народа разные увеселения, открыты выставки изящных искусств и садоводства, галереи и, наконец, в обширном дворце (или Bargello) – Дантовская выставка, для которой со всей Италии и, частью, из других стран собрано все, относящееся к Данту,

из памятников письменности и искусства, как-то: рукописи его сочинений, редчайшие издания, произведения живописи, скульптуры и т. п.

Сообщенная мною программа дантовского юбилея выражает только внешнюю сторону национального торжества и притом только в одном городе, хотя и в главном средоточии празднества; но известно, что в то же самое время должны раздаваться восторженные клики в честь великого флорентийца в местных празднествах дантовского юбилея почти по всем городам особенно средней и северной Италии, где этот поэт издавна пользовался большою популярностью. Уже предшествовавшее юбилею снаряжение муниципальных депутатов из городов итальянского королевства во Флоренцию должно было произвести общее движение, которое тем больше воспламенило умы, что в истории политических переворотов последних годов, как в настоящее время, имя Данта сделалось как бы знаменем либеральных стремлений в пользу единения провинций Апеннинского полуострова, с ближайшею целью изгнать немцев из Венецианской области и освободить Рим от клерикального управления и сделать этот «вечный город» столицей единой и нераздельной Италии.

Таким образом, дантовский юбилей в Италии может дать нам самое полное понятие о современном взгляде на историю и об отношении народа к его прошедшему.

Было время, когда возвращение к прошедшему возбуж-

дало мечтательность, когда история увлекала воображение, как роман, в котором сентиментальные умы искали себе идеалов и в праздном досуге любовались ими, как любит-ся автор идиллии своими несбыточными героями, заслоняя от своих глаз сладкою мечтою скучную действительность. В те счастливые времена, впрочем очень недавние, обращались к Данту как бы с религиозным обаянием, будто к чародею, который увлекал воображение читателей в самое сердце средневековой жизни и воскрешал перед ними знаменательные личности Фаринати, Каччагвиды, Франчески да Римини, Уголино, св. Доминика, – личности то ужасающие, то симпатичные, со всею их средневековою обстановкою, тем больше обаятельною, что эта давно отошедшая жизнь возникала перед восторженным воображением во всей ее свежести, будучи воспроизведена в вечных, монументальных формах, подчиненных небесным законам религиозной идеи о возмездии в загробных царствах Ада, Чистилища и Рая.

Для мечтательного воображения исчезали столетия, которыми настоящее отделено от прошедшего, далекое становилось близким и родным, и средневековое – своим современным, потому что оно представлялось в радужной призме загробной вечности, в которой сливаются в один религиозный момент все времена. Так было в прежние годы. Теперь иначе смотрят на прошедшее. Наша современность имеет о себе высокое понятие, будучи убеждена, что она лучше, разум-

нее и совершеннее всего того, что она наследовала от истории. Идиллическое обращение к прошедшему для того, чтоб забыть современное горе, она называет ребячеством и скорее видит в истории собрание ошибок и недостатков, нежели светлые идеалы. Наша практическая современность оценивает историю, насколько видит в ней применение к своим практическим целям. Потому, если в прежние времена исторический взгляд на прошедшее затемнялся мечтательным к нему обращением, как к несбыточному идеалу, то и в наше время история, может быть, тоже много проигрывает, будучи воспроизводима с личными целями разных современных направлений.

Впрочем, сколько бы ни было односторонне это практическое отношение к прошедшему, оно имеет великое значение для современников, когда им в их истории, далекой и полузабытой, указывают животрепещущие интересы, которыми движутся и они сами.

В каком бы совершенстве ни выработалась историческая критика, новое время всегда будет предъявлять права на прошедшее, как на свою собственность, наследованную от предков, и чем многозначительнее для народа прошедший факт или чем более историческая личность становится популярною, тем необходимее и естественнее каждому новому поколению, при воспоминании о них, сливать с их историческим значением интересы своей современности.

Как старинная сказка, переходя из уст в уста, от одного

поколения к другому принимает на себя отпечатки разных этих поколений, и, вследствие накопления этих самых анахронизмов становится тем популярнее и тем дороже и милее народу, так и периодическое возвращение разных поколений к любимой ими исторической личности, с непременным желанием сблизить ее со своим временем и слиться с нею своими интересами, тем более делает такую личность популярною, чем чаще и искреннее возвращаются к ней симпатии позднейших поколений.

Это периодическое возвращение позднейших поколений с национальными симпатиями к своему прошедшему нашло себе очень удобную для нашего времени форму в праздновании юбилеев, которые для наших потомков будут любопытнейшими документами, особенно по тем современным идеям, которые наше время связывает с историческою деятельностью чествуемых в юбилее личностей.

Италия нашего времени видит в своем великом поэте политического деятеля, который указал путь к освобождению от чуждого ига и от клерикального, не столько пророка, предсказавшего счастливую эпоху, наступающую для этой страны в настоящее время, сколько почти своего современника, потому что Италия времен Данта, только под другими именами, находилась почти в том же печальном положении, из которого только теперь начинает она освобождаться.

Таков внутренний исторический и политический смысл дантовского юбилея для национального сознания итальян-

цев. Для средних веков великий флорентиец был богослов, для Италии нашего времени он – политик и агитатор: перед его именем должны пасть все преграды на пути Италии из ее полной независимости и самостоятельности: и Австрийские крепости в Венецианской области, и вмешательство французов, и светская власть папы.

Но сверх национальных, собственно итальянских, интересов, Дант имеет значение всемирное в истории всего человечества как гениальнейший представитель идей средних веков в эпоху перехода от смутного брожения разных элементов европейской цивилизации, выразившихся в стиле готическом, к живительным началам эпохи так называемого Возрождения, проблески которой так явны становятся в Италии уже с XIV в.

Политическая и литературная деятельность Данта относится еще к тому времени, когда одни общие интересы в борьбе власти папской с императорскою связывали между собой все государства Западной Европы, когда католичество ознаменовалось последним великим актом восстановления своего уже ослабевшего авторитета, в учреждении и повсемирном распространении монашеских орденов св. Франциска и св. Доминика, когда Италия стала средоточием европейских интересов больше, нежели когда-нибудь прежде.

Следовательно, понятно и вполне законно присутствие корпорации иноземных ученых и литераторов на дантовском юбилее во Флоренции, не потому только, что гениаль-

ный поэт есть гражданин всех времен и народов, но и потому, что средние века, воссозданные Дантом в его «Божественной Комедии», равно принадлежат к национальным предметам как Италии, так и других западных стран.

Что же касается до сочувствия иностранцев к политическим тенденциям, которые итальянцы соединяют с дантовским юбилеем, то я имею мало данных, чтобы в достаточной полноте решить себе этот вопрос.

Остается сказать несколько слов о том, в каком отношении находится к этому общеевропейскому торжеству русская образованная публика и русская литература.

Сколько было возможно в короткий срок своего водворения в нашем отечестве, наука и литература успели сделать довольно многое для ознакомления наших соотечественников с Дантом. Еще в 30-х годах текущего столетия в Московском университете читал отличные лекции о флорентийском поэте и его «Божественной Комедии» профессор Степан Петрович Шевырев.

Просвещенная публика довольно уже оценила стихотворный перевод первой кантики этой поэмы, о достоинстве которого я умалчиваю из уважения к скромности переводчика, которого Общество Любителей Российской Словесности имеет честь считать в числе своих действительных членов¹. Наконец, в последнее время педагогическою комиссиею Московского учебного округа вменено в обязанность

¹ Мин, бывший профессор Московского университета.

для поступающих в университет знакомство по крайней мере с несколькими песнями «Божественной Комедии» по русскому переводу.

Вот почти все, что сделано в нашей литературе для Данта, исключая некоторые более или менее удачные компиляции, извлечения и переводы иностранных сочинений по истории итальянской литературы.

Судя по этому немногому, трудно предположить, чтобы в русской образованной публике могли выказаться какие-либо определенные симпатии к дантовскому юбилею, справляемому в стране слишком отдаленной и во всем нам чуждой, и в городе, вообще так мало у нас известном. Наша старина, богатая памятниками так называемого романтического стиля, вовсе не знала стиля готического, высшим проявлением которого в литературе была «Божественная Комедия». Наша новая литература, воссозданная в XV в. по образцам западным, заимствовала из них позднейшие результаты цивилизации, не имевшие уже ничего общего с отдаленными временами борьбы гвельфов и гибеллинов. Можно бы рассчитывать на средневековую набожность и благочестие русского народа в сочувствии к такому произведению, которое имеет своим содержанием восхождение человека в область Божественной благодати через юдоли плача и сокрушения в грехах. Но эта общая идея «Божественной Комедии» проводится через такие исторические, энциклопедические и местные подробности, уразумение которых теперь может быть доступно толь-

ко ученым-специалистам из многочисленных комментариев или объяснений на Данта. Русские люди церковного направления вовсе не могут сочувствовать поэме, в которой каждый стих пропитан католицизмом, в которой высшими праведниками и святыми чествуются Фома Аквинский, Бонавентура, Доминик и Франциск Ассизский, и которая, наконец, именуется *комедией*, да еще *божественной*, так что лет 15 тому назад русская цензура запрещала в печати называть поэму Данта «*Божественной Комедией*».

Еще меньше следует ожидать сочувствия к этому произведению от так называемых развитых, современных или, как говорится, *либеральных* умов русской журналистики, которые должны приходиться в немалое затруднение при мысли – как может во второй половине XIX столетия иметь современный интерес стихотворное описание Ада, Чистилища и Рая, преисполненное всевозможных суеверий и предрассудков, и особенно в такой стране, как итальянское королевство, где не перестают еще подвизаться Гарибальди и Мадзини, где готовятся уничтожить все монастыри и где знаменитая книга Ренана пользуется такою популярностью, что продается на каждом углу вместе с либреттами опер и ежедневными листками политических карикатур.

Итак, кроме науки, в нашем отечестве не выработалось никакой другой среды, в которой имя Данта получило бы свое настоящее значение. Зато эта среда, самая чистая и возвышенная, и, по своей отрешенности от мелких направлений

текущего дня, наиболее согласная с вечными идеями, положенными великим флорентийцем в основу европейской цивилизации.